

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>

Версии защиты как объект криминалистического исследования

Александр Юрьевич Головин, доктор юридических наук, профессор

Тульский государственный университет
Тула (300012, пр-т Ленина, д. 92), Российская Федерация
golovintula@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>

Аннотация: Введение. В криминалистике в последние два десятилетия появилось немало точек зрения и концепций, отличающихся от традиционных представлений об объектно-предметной области, задачах, системе и языке этой юридической науки. Попыткам теоретического переосмысления подвергаются в т. ч. положения учения о криминалистических версиях. В частности, на волне отдельных дискусионных идей о частичном переориентировании криминалистики с сугубо задач борьбы с преступностью на отдельные сферы правозащитной и иной юридической деятельности учеными-правоведами высказываются суждения о необходимости изучения версий, выдвигаемых адвокатом-защитником и другими участниками уголовного процесса со стороны защиты. Такие версии получают различные терминологические обозначения и определения в юридической литературе. Отдельными исследователями вносятся предложения о возможности отнесения подобных предположений к числу криминалистических версий, а также разработке криминалистических средств и методов их проверки. Такие предложения должны выступать предметом научного анализа и дискуссии, направленной на уточнение сущности и признаков версий защиты как объекта криминалистического исследования. **Методы.** Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты. В статье проведен анализ и осуществлен критический разбор взглядов ученых-правоведов на сущность и признаки версий, формулируемых участниками уголовного процесса со стороны защиты, а также используемой для обозначения таких версий научной терминологии. Дается авторское определение версий защиты, отмечается дискуссионность выводов о возможности их отнесения к видам криминалистических версий. Обосновывается вывод автора о том, что версии защиты выступают объектом криминалистического исследования как элемент посткриминальной деятельности участников уголовного процесса со стороны защиты. Приводятся задачи оценки и проверки версий защиты в ходе предварительного расследования и судебного следствия.

Ключевые слова:

криминалистика, версия, следователь, сторона защиты, защитник, посткриминальная деятельность, противодействие расследованию и судебному разбирательству

Для цитирования:

Головин А. Ю. Версии защиты как объект криминалистического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 135–141. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025;
одобрена после рецензирования 21.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Defense case as an object of forensic research

Alexander Yu. Golovin, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Tula State University
92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russian Federation
golovintula@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>

Abstract:

Introduction. During the last two decades in criminalistics there have appeared many points of view and concepts that differ from the traditional ideas about the object-subject area, tasks, system and language of this legal science. Among other things,

Keywords:

forensics, version, investigator, defence, defender, post-criminal activity, countering investigation and judicial proceedings

© Головин А. Ю., 2025

the theoretical rethinking of the doctrine of forensic versions is being attempted. In particular, some discussion ideas about the partial reorientation of criminology from the tasks of fighting crime to specific spheres of human rights and other legal activities legal scholars make judgments about the need to study the versions put forward by the defence lawyer and other participants in criminal proceedings on the part of the defence. Such versions have different terminological designations and definitions in the legal literature. Some researchers make proposals on the possibility of attributing such assumptions to the number of forensic versions, as well as the development of forensic means and methods of their verification. Such proposals should be the subject of scientific analysis and discussion aimed at clarifying the essence and attributes of defence case as an object of forensic research.

Methods. The methodological basis of the study was formed by general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction), historical, systemic, comparative study, hermeneutic and a number of others.

Results. The analysis and critical review of legal scholars' views on the essence and attributes of versions formulated by participants of criminal proceedings on the part of the defence, as well as the scientific terminology used to designate such versions is carried out in the article. The author's definition of the defence versions is given and the discussion on the conclusions about the possibility of their attribution to the types of forensic versions is noted. The author concludes that defence case is an object of forensic research as an element of post-criminal activity of participants of criminal proceedings on the part of the defence. The tasks of evaluation and verification of defence versions during preliminary investigation and judicial investigation are given.

For citation:

Golovin A. Yu. Protection versions as an object of forensic research // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 135–141. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>.

The article was submitted February 8, 2025; approved after reviewing April 21, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

В числе частных криминалистических учений (теорий) особо выделяется учение о криминалистических версиях, являющееся одним из наиболее теоретически проработанных и устоявшихся в криминалистике. Его основы были сформированы еще в советский период развития криминалистики под влиянием научных трудов видных ученых-криминалистов Г. Н. Александрова, Г. В. Арцишевского, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, Л. Я. Драпкина, А. М. Ларина, И. М. Лузгина, И. Ф. Пантелеева, Я. Пешака, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, А. Г. Филиппова, Н. П. Яблокова и многих других авторов. Однако некоторые аспекты учения о криминалистических версиях до сих пор остаются дискуссионными, в частности, вопрос определения субъектов выдвижения и проверки криминалистических версий, а также возможности выделения в числе видов таких версий так называемых «версий защиты».

В современной юридической литературе можно встретить разные научные подходы к определению версий защиты и субъектов их выдвижения. При этом до сих пор не сформулировано четкое понимание этого явления как объекта криминалистического исследования, наблюдается большое разнообразие в терминах, используемых для обозначения подобных версий. Например, встречаются термины «защитные версии», «версии стороны защиты», «защитительные версии», «версии адвоката-защитника», «версии в защиту обвиняемого (подозреваемого, подсудимого)». Также отсутствует единый подход к определению и систематизации таких версий, что, конечно же, усложняет и понимание версий защиты с криминалистических позиций, и возможности прикладного применения неустоявшейся научной терминологии.

Перечисленные вопросы требуют дополнительного научного анализа и изучения.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты

В советский период учеными-криминалистами не отрицалась возможность выдвижения версий, отличных по направленности от сущности (формулы) обвинения. Для их обозначения преимущественно использовались термины «контрверсии» или «оправдательные версии» (как противоположность обвинительным версиям). В то же время при определении криминалистических версий традиционно подчеркивалось, что такие версии должны быть не только выдвинуты, но и приняты к проверке субъектом уголовно-процессуального доказывания, наделенным властными полномочиями. Указанная особенность отдельными учеными-криминалистами обозначалась как признак «авторитарности» криминалистической версии [1, с. 11].

По мнению Ю. П. Гармаева, «несмотря на ключевую роль следователя в расследовании, зачастую субъектом, инициатором выдвижения и проверки защитных версий, может, а точнее, обязан быть адвокат». При этом автор осторожно высказывается относительно криминалистической природы защитных версий, подчеркивая, что направление их научных исследований носит междисциплинарный характер [14, с. 75–76]. Отмечая некоторую дискуссионность утверждения об «обязанности» защитника выдвигать версии, согласимся с тем, что правовая природа этого явления нуждается в уточнении с позиций криминалистики.

Л. В. Бормотова полагает, что «особенности выдвижения защитительных версий обусловлены ограниченностью доступа к материалам дела на досудебных стадиях». Эта позиция поясняется тем, что защитники обладают меньшей «самостоятельностью», чем профессиональные участники стороны обвинения, низкой активностью защитников при использовании права на собирание доказательств, а также обязанностью защитника следовать позиции, избранной его подзащитным, даже вопреки собственному мнению [15, с. 264–265]. Других признаков «защитительных версий» автор, к сожалению, четко не выделила, что затрудняет понимание приведенной позиции.

В. А. Шефер, также относя версию защитника к числу криминалистических версий, определил ее как «предположение, выдвигаемое с целью отстаивания интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Позиция, сформулированная в версии защитника, должна быть выгодной для подзащитного. Версия защитника, опираясь на некоторую совокупность фактических данных, предлагает такое видение событий прошлого, которое или опровергает причастность или виновность подзащитного, или опровергает другие невыгодные для подзащитного фактические обстоятельства»¹. Заметна некорректность предложенной автором дефиниции, отождествляющей, по сути, версию защиты и позицию защитника, «выгодную для подзащитного».

Видятся ошибочными и некоторые другие представленные в юридической литературе точки зрения, также во многом отождествляющие версию защиты и позицию защиты по уголовному делу. При этом одни авторы под версией защиты предлагают понимать «кратко выраженную защитительную позицию, представляющую собой фактическое и юридическое объяснение случившегося факта с точки зрения стороны защиты» [16, с. 66]. Другие исследователи версию защиты рассматривают как «обоснованное фактами, логически верное изложение обстоятельств и доводов участников дела, представляемой адвокатом в пользу подзащитного на основе избранной им правовой цели» [17, с. 204].

Очевидно, что в подобных дефинициях потеряна ключевой признак любой версии – ее предположительный характер, в т. ч. для субъекта ее выдвижения. Стоит также обратить внимание на мнение ученых-правоведов, что позиция защиты – это «прочно сложившееся мнение адвоката-защитника относительно подозрения или обвинения в инкриминируемом доверителю преступном деянии, целью реализации которого выступает достижение лучшего из возможных результатов для подзащитного с учетом его законных интересов»². Как следствие, идеи об отождествлении или соподчинении терминов «позиция защиты» и «версия защиты», имеющих разную смысловую нагрузку, представляются весьма спорными.

Кроме того, анализ предложений о дифференциации криминалистических версий на версии обвинения и версии защиты, исходя из субъекта их выдвижения (построения), позволяет сделать вывод о концептуальной ошибочности такого подхода. Например, практически все исследователи признают, что деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве направлена исключительно на обеспечение прав и законных интересов подзащитного, а достижение задач расследования преследуется им лишь в той части, в которой это связано с интересами подозреваемого или обвиняемого, которому им оказывается юридическая помощь при производстве по уголовному делу. Как следствие, относить защитника к числу субъектов криминалистической деятельности, направленной в своей основе на раскрытие и расследование преступлений, вряд ли обоснованно.

Кроме того, дифференциация криминалистических версий по субъекту их выдвижения на версии обвинения и защиты имеет и еще один очевидный изъян. Из этой системы полностью выпадают судебные версии. Как отмечается в криминалистической литературе, в случаях сомнения в доказанности следствием обстоятельств предмета доказывания строятся судебные версии. При этом основанием для построения судебной версии судьей, помимо прочего, является

¹ Шефер В. А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. С. 89.

² Заика С. В. Формирование и реализация позиции адвоката-защитника в предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 259 с.

любая информация о событии, сообщаемая стороной защиты и отличная от версии обвинения. Указанная информация может иметь характер предположения [18, с. 28; 19, с. 153].

Необходимо отметить, что некоторые сторонники криминалистической природы версий защиты конкретизируют направленность таких версий по отношению к формуле обвинения и включают в круг субъектов выдвижения «защитных» версий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Термин «версии защиты» и его дефиниции в криминалистической литературе советского периода встречаются значительно реже. Например, как отмечал В. З. Лукашевич, версия защиты могла рассматриваться как объяснения адвоката или обвиняемого, предлагаемые следователю или суду, в которых они дают определенную оценку фактам, событиям в защиту обвиняемого и которые могут поколебать или вообще опровергнуть обвинение [2]. В. С. Буданова, дискутируя с В. З. Лукашевичем, предложила использовать термин «версия защиты» в широком смысле, как все возможные доводы «за» обвиняемого независимо от того, кем они выдвигаются. При этом автором пояснялось, что объяснения, предложенные обвиняемым или его защитником, нужно считать «версиями защиты» только при принятии их следователем к проверке [3, с. 113].

В постсоветский период развития криминалистики в силу ряда причин появилось немало идей расширения традиционной объектно-предметной области криминалистики, в т. ч. на сферу защиты прав подозреваемого (обвиняемого) в уголовном судопроизводстве, деятельность адвоката-защитника. Предлагались концепции подобных теоретико-прикладных исследований, определяемых как «криминалистика защиты», «криминалистическая адвокатология», «криминалистическая тактика защиты прав в уголовном судопроизводстве» (например, О. Я. Баев, М. О. Баев, Г. А. Зорин, В. В. Конин, Е. В. Бочкарева, В. Л. Кудрявцев и ряд других авторов) [4–10]. В основу таких предложений их авторами, как правило, были положены доводы, связанные с изменениями уголовно-процессуального законодательства, особенностями состязательности сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве России. Не преследуя цель подробного освещения таких концепций, тем более что их критический анализ уже был проведен нами ранее [11, с. 3], следует подчеркнуть, что идеи криминалистического характера выдвижения и проверки версий защиты во многом основываются на тех же доводах.

Так, существование версий защиты в системе криминалистических версий современные исследователи нередко пытаются обосновать именно с процессуальных позиций. Например, упоминаются нормы ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ), определяющей назначение уголовного судопроизводства, включая защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, делается акцент на принципах состязательности и презумпции невиновности, а также процессуальном праве защитника на собирание доказательств.

В частности, А. Н. Халиков, рассуждая о дуализме предположительных суждений представителей сторон обвинения и защиты, полагает, что в силу ст. 15 УПК РФ версии правоохранительных органов и стороны защиты равноправны, а свобода оценки версий обвинения и защиты требует, чтобы при оценке доказательств судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивали доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Далее А. Н. Халиков, анализируя ранее представленные учеными-криминалистами позиции о сущности криминалистических версий, делает вывод, что понятие версий в криминалистике должно иметь «более глубокое значение, чем это принято в научной литературе». Автор полагает, что «ни одно из представленных определений версии не указывает на ее окончательное разрешение и не дает каких-либо гарантий истинности принятого решения по результатам работы по выдвинутым версиям» [12, с. 25].

Учитывая, что А. Н. Халиков прямо относит версии защиты к числу криминалистических версий, видится необходимым дать некоторые пояснения относительно представленной позиции. Во-первых, следует учитывать, что термин «версия» не имеет процессуального закрепления. Как следствие, выводы о «равноправии версий обвинения и защиты», «свободы оценки версий» имеют характер авторского суждения и достаточно декларативны. Во-вторых, в традиционном понимании криминалистическая версия – это специфическая разновидность предположения (гипотезы). Со всей очевидностью можно утверждать, что версия не может одновременно отражать результат ее проверки (разрешения), поскольку в этом случае, будучи подтвержденной или опровергнутой, она утрачивает характер предположения.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

О. Я. Баев высказал мнение, что защитными являются версии, «выдвигаемые и формулируемые соответственно субъектом профессиональной защиты от обвинения по уголовному делу – адвокатом. По сути своей, защитные версии – контрследственно-прокурорские версии» [13, с. 400]. При этом автор подчеркивал, что в силу своей процессуальной функции и специфики деятельности адвокат, основываясь на известной ему информации по делу, просто обязан выдвигать и проверять (добиваться проверки) версии о том, что его подзащитный невиновен в инкриминируемом ему деянии.

Так, А. Ф. Реховский высказал мнение, что защитник как субъект уголовно-процессуальной деятельности может выдвигать свои версии защиты, являющиеся криминалистическими. При этом поясняется, что версии защиты могут также выдвигать другие участники процесса (прокурор, суд, потерпевший, но всегда такие версии выдвигаются в защиту обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в подтверждение его невинности [20, с. 158]. Интересен факт, что в более ранних исследованиях автор определял круг субъектов выдвижения криминалистических версий по-иному (судья; прокурор; следователь; лицо, производящее дознание). Более того, А. Ф. Реховский особо подчеркивал условность «версий потерпевшего» и «версий обвиняемого», возможность использования таких терминов только для обозначения источников происхождения высказываемых предположений⁴.

В концепции И. М. Полякова защитная версия представляет собой «обоснованное предположение следователя, адвоката и иных субъектов поисково-познавательной деятельности по поводу невинности заподозренного, подозреваемого, обвиняемого; об обстоятельствах, смягчающих его ответственность или наказание; об иных обстоятельствах, улучшающих его положение, и дающее одно из возможных и допустимых объяснений уже выявленных исходных данных, позволяющее на их основе во взаимодействии с теоретической базой, вероятно (неоднозначно) установить еще неизвестные обстоятельства, имеющие значение для дела»⁵.

Однако и при таких научных подходах теоретико-криминалистическая модель версий защиты далека от совершенства.

Как уже было отмечено ранее, классификация версий в зависимости от формулы обвинения делятся на обвинительные и оправдательные (контрверсии) присутствует в криминалистике достаточно давно. Более того, в ряде случаев выдвижение и проверка таких версий следователем является тактически оправданной. Например, как обоснованно подчеркивали Л. Я. Драпкина и В. К. Гавло, в ходе расследования контрверсии выполняют важную «подстраховочную функцию»⁶.

Представляется, что сегодня оправдательной направленностью при предъявленном обвинении в отношении конкретного лица будут обладать версии, представляющие собой предположения:

– о совершении инкриминируемого преступления другим лицом (лицами), и здесь важно подчеркнуть, что оправдательное предположение в отношении одного лица, становится, по сути, обвинительной версией в отношении другого;

– об отсутствии в инкриминируемом деянии состава или события преступления;

– о совершении обвиняемым менее тяжкого преступления, чем инкриминируемое, что предполагает другую уголовно-правовую квалификацию деяния.

Версии такой направленности могут быть сформулированы как следователем или другим субъектом криминалистической деятельности, так и адвокатом-защитником, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и другими лицами, в т. ч. не являющимися участниками уголовно-процессуальных отношений (например, консультантами-наставниками, журналистами и пр.). Однако само по себе формулирование версии оправдательной направленности, пусть даже с использованием доступной доказательственной и иной криминалистически значимой информации по уголовному делу, еще не делает ее видом криминалистических версий. Это связано во многом с тем, что необходимым признаком любой криминалистической версии выступает возможность ее проверки в процессуальном порядке, преимущественно в ходе следственных действий, и с использованием других возможностей правоохранительных органов. Ни защитник, ни тем более подозреваемый или обвиняемый такими возможностями не обладают. Собираемые и предоставляемые ими сведения оправдательного характера (в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ), в т. ч. в обоснование формулируемых ими версий защиты, в любом случае подлежат проверке со стороны уполномоченных субъектов (следователя, дознавателя, суда) и только по решению последних могут быть приобщены к материалам уголовного дела.

⁴Реховский А. Ф. Проблемы криминалистических версий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 11.

⁵Поляков И. М. Выдвижение и проверка защитных версий по уголовным делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2024. С. 10–11.

⁶Криминалистика : учебник : В 3 ч. / под ред. Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2019. Ч. 3. С. 27.

Здесь следует отметить мнение Л. Я. Драпкина о том, что в процессе предварительного расследования различные предложения могут высказываться подозреваемым, обвиняемым, защитниками. Однако указанное нужно рассматривать как «потенциальные версии», которые могут стать «реальными» только после того, как будут приняты в этом качестве следователем или судом [21, с. 83]. Заслуживает внимания и позиция А. В. Руденко, полагающего, что на досудебных стадиях не существует как таковых версий защиты, обвиняемого, потерпевшего. Существует лишь информация, предлагаемая стороной защиты следователю в качестве основания для построения версий с их последующей проверкой [22, с. 51].

Иными словами, для того, чтобы версия, озвученная стороной защиты, полноценно проверялась процессуальным и другим криминалистическим путем, особенно на досудебных стадиях уголовного процесса, она должна быть оценена и принята к проверке следователем или другим субъектом криминалистической деятельности. И только с момента такого принятия к проверке она может рассматриваться как криминалистическая версия (следственная или судебная).

Таким образом, версии защиты ошибочно называть видом криминалистических версий. Тем не менее предположения такого рода являются объектами криминалистического исследования. Действия адвоката-защитника, подозреваемого или обвиняемого, в т. ч. по формулированию и доведению до следователя версий в своих интересах, выступают элементами посткриминальной деятельности, связанной с процессом раскрытия и расследования преступлений. Опираясь на современные представления о такой деятельности, в т. ч. осуществляемой участниками уголовного процесса со стороны защиты⁷, можно сделать вывод, что такая деятельность может иметь позитивный или негативный характер для достижения задач предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом.

Позитивной направленностью обладает посткриминальная деятельность, активно способствующая раскрытию и расследованию преступления, выявлению всех преступных эпизодов, установлению преступной роли каждого из соучастников, местонахождения скрывающихся преступников или предмета преступного посягательства, а также иное сотрудничество со следствием. В этих целях адвокат-защитник в интересах подзащитного, подозреваемый или обвиняемый в своих интересах могут формулировать разные версии, которые должны быть оценены и при необходимости проверены следователем.

С указанных позиций посткриминальная деятельность выступает объектом криминалистического исследования на научном и практическом уровнях. На научном уровне познание посткриминальной деятельности способствует разработке и совершенствованию криминалистических средств, методов и рекомендаций по производству следственных действий и решению других криминалистических задач в уголовном судопроизводстве.

На практическом уровне анализ и оценка следователем и другими субъектами криминалистической деятельности посткриминального поведения участников уголовного процесса со стороны защиты, включая формулируемые ими версии, выступает необходимой задачей тактически грамотного производства предварительного расследования или судебного следствия. Принятие к проверке версий такого рода (с уточнением или без) видится целесообразным в целях:

- обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования, устранения информационных пробелов и противоречий в позиции обвинения;
- выявления и своевременного устранения следственных ошибок;
- выявления и преодоления противодействия установлению истины по уголовному делу, подтверждения необоснованности действий стороны защиты и злоупотребления процессуальными правами.

3 Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Версии защиты выступают объектом криминалистического исследования как элемент системы посткриминальной деятельности участников уголовного процесса со стороны защиты. При этом версия защиты может быть определена как предположение таких лиц о расследуемом преступлении (ином событии) и его отдельных обстоятельствах, отличающееся от позиции или версии стороны обвинения. Использование в криминалистике наряду с термином «версии защиты» иных словосочетаний для обозначения рассматриваемого явления (например, «защитные версии», «защитительные версии» и пр.) представляется семантически избыточным.

2. Для того чтобы версия защиты полноценно проверялась процессуальным и другим криминалистическим путем, она должна быть оценена и принята к проверке следователем,

⁷ Андреев А. С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. С. 12.

дознанием или судом. И только с момента такого принятия к проверке она может рассматриваться как криминалистическая версия, но уже следственная или судебная.

3. Анализ и оценка следователем и другими субъектами криминалистической деятельности версий защиты, принятие при необходимости мер по их проверке выступает необходимым элементом тактически грамотного производства предварительного расследования или судебного следствия.

Список источников

1. Филиппов А. Г. Некоторые дискуссионные вопросы учения о криминалистической версии / Версии и планирование расследования : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин. Свердловск : [б. и.], 1985. С. 9–19.
2. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе : монография. Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1985. 193 с.
3. Бурданова В. С. Выдвижение и проверка версий защиты при доказывании вины / Проблемы доказывания виновности в советском уголовном процессе : межвузовский сборник / отв. ред. В. Г. Заблочный. Красноярск : [б. и.], 1989. С. 112–120.
4. Гармаев Ю. П. Правозащитная деятельность с использованием уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных мер как актуальное направление междисциплинарных исследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 151–159; <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-151-159>.
5. Баев М. О., Баев О. Я. О криминалистической адвокатологии как подсистеме науки криминалистики // Избранные работы : В 2-х т. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2011. Т. 1. С. 289–310.
6. Баев М. О. Криминалистическая адвокатология: место и роль в предмете криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. 2019. № 21. С. 36–41.
7. Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования : сборник статей / под ред.: Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. Екатеринбург : Чароид, 2002. 191 с.
8. Конин В. В. Использование адвокатом специальных знаний в уголовном судопроизводстве как необходимость для повышения качества защиты // Адвокат. 2015. № 5. С. 14–18.
9. Кудрявцев В. Л. Пределы защиты в деятельности адвоката-защитника: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2011. № 3 (6). С. 102–110.
10. Вандраков С. Ю. Применение криминалистических знаний в профессиональной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве : (информационный подход) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 160 с.
11. Головин А. Ю. Тактика профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве и ее место в системе юридических наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 3–10.
12. Халиков А. Н. Правда и обман как криминалистические версии сторон обвинения и защиты // Южноуральские криминалистические чтения сборник тезисов конференции, г. Уфа, 24 декабря 2020 г. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 23–27.
13. Баев О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса : [сборник]. Москва : Эксмо, 2011. 609 с.
14. Гармаев Ю. П. Версии стороны защиты по уголовным делам и их проверка как направление криминалистических научных исследований / Енисейские политико-правовые чтения : сборник статей по материалам XV Всероссийской научно-практической конференции, г. Красноярск, 29–30 сентября 2023 г. Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2023. С. 73–77.
15. Бормотова Л. В. Криминалистические аспекты уголовно-процессуальной деятельности защитника // Известия Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (33). С. 264–266.
16. Разгулин А. В. Стратегические принципы участия адвоката-защитника в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2009. № 3 (10). С. 64–75.
17. Терещенко А. И. К вопросу о построении версий защиты в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Самара, 28 марта 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 203–205.
18. Зеленский В. Д., Корчагин А. Ю. О построении судебных версий // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 27–29.
19. Куемжиева С. А., Корчагин А. Ю. К вопросу о построении судебных версий // Государственные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 152–154; <https://doi.org/10.23672/i6638-6937-8507-k>.
20. Реховский А. Ф. Учение о криминалистических версиях : монография. Germany : LAP LAMBERT, 2012. 163 с.
21. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций : [монография]. Свердловск : Уральский университет, 1987. 163 с.
22. Руденко А. В. Содержательная логика доказывания : монография. Москва : Проспект, 2023. 272 с.